

УДК 930(470+571):327(73) «19/20»

**РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ ЮЖНОЙ АЗИИ
(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)***канд. ист. наук, доц. А.П. КОСОВ**(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)*

Рассматривается российская историография внешней политики США в отношении Южной Азии в постбиполярный период. Данное направление внешнеполитической стратегии Вашингтона является менее разработанным в русскоязычной исторической и политологической литературе, нежели, например, восточноазиатское, ближневосточное или европейское. Это объясняется расстановкой приоритетов во внешней политике Соединенных Штатов и соответственным отражением такого подхода в российских публикациях. Тем не менее, в российской историографии существует ряд публикаций, в которых с разных позиций рассматриваются концептуальные основы внешней политики США в южноазиатском регионе, американо-индийские и американо-пакистанские отношения, влияние ядерного фактора на внешнеполитическую стратегию Вашингтона в Южной Азии, геополитические треугольники США – Индия – КНР и США – Пакистан – КНР и другие проблемы.

Ключевые слова: *внешняя политика США, историография, Южная Азия, постбиполярный период.*

После окончания «холодной войны» роль и место Южной Азии в мировой политике существенно изменились. Изменения коснулись как внешнеполитических ориентаций южноазиатских стран, две из которых в 1998 г. приобрели ядерный статус, так и внешнеполитических подходов в отношении региона ведущих держав мира, особенно мирового лидера – США. Поэтому политика Вашингтона в отношении Южной Азии в постбиполярный период не могла остаться в стороне, обратив на себя внимание мирового экспертного сообщества. В этом плане не стали исключением и российские исследователи, изучающие те или иные аспекты международных отношений в данном регионе.

Цель представленной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть российские интерпретации политики Соединенных Штатов в Южной Азии в конце XX – начале XXI в. На сегодняшний день данный аспект в достаточной степени не изучен. В русскоязычном сегменте мировой историографии отсутствуют работы, посвященные изучению российских оценок южноазиатского направления внешней политики Вашингтона. Для достижения поставленной цели необходимо: определить уровень разработанности данной проблематики в российской историографии; раскрыть концептуальные подходы исследователей из России к изучению политики США в южноазиатском регионе в постбиполярный период.

Рассматривая региональную политику США, следует отметить, что южноазиатское направление внешнеполитической стратегии Вашингтона является менее разработанным в русскоязычной исторической и политологической литературе, нежели, например, восточноазиатское, ближневосточное или европейское. Российская историография проблемы в основном сводится к публикациям в периодических изданиях и на информационных сайтах в сети Интернет, хотя имеются и научные монографии по отдельным аспектам данной темы. С одной стороны, такое положение вещей во многом объясняется тем, что исследуется современность. С другой стороны, – расстановкой приоритетов во внешней политике Соединенных Штатов и соответственным отражением этого в российских публикациях.

В российской историографии внешней политики Соединенных Штатов в данном регионе можно выделить следующие направления исследований: роль и место Южной Азии во внешнеполитической стратегии США [1–9]; американо-индийские отношения [10–18]; американо-пакистанские отношения [19–35]; ядерный фактор в Южной Азии и позиция США [36–43; 44, с. 464–503; 45–49]; геополитические конфигурации с участием США и южноазиатских стран [50–54].

Российские оценки внешнеполитической стратегии США в отношении Южной Азии

В 1990–2000-е гг. в российской историографии появился ряд работ, посвященных эволюции внешнеполитической стратегии США в отношении Южной Азии. В основном это исследования известных российских востоковедов – В. Я. Белокреницкого, С. И. Лунева, В. Н. Москаленко, Т. Л. Шаумян, Ф. Н. Юрлова и др. [1–9]. В своих работах они констатируют новую геополитическую реальность в регионе, отразившуюся на внешней политике Вашингтона. Из российских публикаций видно, что внешнеполитический курс Соединенных Штатов в Южной Азии определялся уровнем глобального развития системы международных отношений. Как свидетельствуют работы С. И. Лунева, Г. И. Мирского, Ф. Н. Юрлова и др., после окончания «холодной войны» роль Индии во внешнеполитической стратегии США стала повышаться, тогда как роль Пакистана, наоборот, снижаться. Еще существеннее уменьшилось значение для внешней политики Соединенных Штатов Бангладеш и малых стран Южной Азии [5, с. 34; 17, с. 675–681, 700–710; 33]. При этом российские исследователи обращают внимание на то, что Вашингтон

пытался лавировать между Индией и Пакистаном в целях предотвращения потери Исламабада, имевшего определенное влияние на талибов, пришедших к власти в Афганистане, а также поиска путей построения новых отношений с Дели, способных перерасти в стратегическое сотрудничество.

С точки зрения известного востоковеда Г. И. Мирского, после распада СССР новый американский курс в Южной Азии получил название “dehyphenation”, означавший развитие отношений Америки с двумя южноазиатскими державами отдельно, не вмешиваясь в их давний конфликт из-за Кашмира и игнорируя их ядерное соперничество. Этот курс, по мнению ученого, оказался успешным. Американо-индийские отношения стали развиваться по восходящей линии, а прежний перекося в сторону Пакистана был устранен [33, с. 60]. Вашингтон перестал безоговорочно поддерживать Исламабад. Как отмечал российский востоковед В. Я. Белокреницкий, во время Каргильского кризиса 1999 г. Америка не захотела встать на сторону Пакистана [20, с. 403]. Неудача Пакистана в вооруженном конфликте с Индией даже привела к правительственному кризису в этой стране. Пакистанские военные обвинили главу правительства Н. Шарифа в капитуляции и сговоре с президентом США, который, по их мнению, поддержал в данном конфликте Индию. В итоге в Исламабаде произошел военный переворот и к власти пришел генерал П. Мушарраф [1, с. 199]. Правда эксперт обращает внимание на то, что, опасаясь разрастания конфликта в условиях обладания сторон ядерным оружием, Вашингтон приложил серьезные усилия для его прекращения, выступив посредником между Дели и Исламабадом [20, с. 404].

Согласно экспертам, лишь после событий 11 сентября 2001 г. отношения Вашингтона с Индией и Пакистаном вновь стали более-менее симметричными. В начале XXI в., как считает Ф. Н. Юрлов из Института востоковедения, «США были вынуждены проводить политику баланса сил в отношениях с Индией и Пакистаном, в зависимости от политической целесообразности и тактической конъюнктуры» [17, с. 705]. Хотя, по признанию специалистов, уровень американо-индийского взаимодействия все равно оказался несоизмеримо выше американо-пакистанских связей. Так, Н. А. Замаева указывает на то, что стремление США укрепить Пакистан в военном отношении стало своеобразной компенсацией за значительное развитие военно-технического сотрудничества Вашингтона с Индией, с которой у Пакистана сохраняются если не враждебные отношения, то, по крайней мере, дух соперничества [23].

По мнению известного востоковеда В. Г. Коргуна, в 2000-е гг. Индия и Пакистан попытались ослабить усиливающийся жесткий контроль Вашингтона над регионом, путем создания межгосударственных барьеров. Одновременно исследователь отмечает, что Дели и Исламабад стремятся извлечь выгоду из американского патронажа в виде получения систем современного оружия [31]. Эксперт считает, что, предвидя ситуацию при которой присутствие американцев в регионе может оказаться неуместным, США стремятся сохранить свою «уместность», спровоцировав вспышку региональной гонки вооружений и напряженность в отношениях между Индией и Пакистаном [31].

Известный американец М. В. Братерский отмечает, что Индия и Пакистан занимают разное место в американской политике, и Вашингтон видит за ними принципиально разные роли. Эксперт подчеркивает, что Исламабад является союзником Соединенных Штатов «по необходимости». В первую очередь, Пакистан нужен американцам как база для операций в Афганистане. Кроме того, он рассматривается Америкой в качестве противовеса быстро поднимающейся Индии и плацдарма для возможного противостояния с КНР. Таким образом, по словам М. В. Братерского, США не рассматривают Пакистан как самостоятельную региональную державу, которая могла бы взять на себя ответственность за стабильность в регионе [3, с. 48]. В то же время, согласно ученому, Индия для Америки – настоящая региональная держава, взявшая де-факто на себя ответственность за стабильность южноазиатского региона, на который США не хотели бы тратить свои ресурсы. Тем более что, несмотря на несоответствие взглядов двух стран на многие проблемы международной жизни, интересы Индии и США по большей части не пересекаются. По сути, как подчеркивает эксперт, Вашингтон признал за Индией статус самостоятельной и ответственной мировой державы [3, с. 48–49]. Подобного взгляда придерживается и И. В. Олсуфьев, который отмечает, что в XXI в. Пакистан утратил для Соединенных Штатов былую роль главного союзника США в Южной Азии, а на передний план в американской политике вышла Индия [39, с. 21].

Таким образом, российские авторы рассматривают внешнеполитическую стратегию США в отношении Южной Азии в постбиполярный период, исходя из развития южноазиатского региона и внешнеполитических целей Вашингтона в мире. Как правило, эксперты сходятся во мнении, что Пакистан утратил для Соединенных Штатов то значение, которое ему придавалось в годы «холодной войны». Индия, наоборот, приобрела для американцев большее значение, нежели в годы «холодной войны».

Американо-индийские отношения в оценках российских исследователей

Согласно исследователям из России, сближение США и Индии в постбиполярный период было непросто. По словам Ф. Н. Юрлова, в 1990-е гг. американо-индийские отношения еще находились «на ранней стадии оттепели после холодной войны». Стороны пытались преодолеть разногласия в подходах к решению важных проблем внешней политики, оставшихся в наследие от прошлого [17, с. 702]. Подавляющее большинство экспертов отмечает сложности в американо-индийских отношениях. С точки зре-

ния В. Я. Белокреницкого, после прихода к власти в США администрации Клинтона госдепартамент занял критическую в отношении Индии позицию, призывая покончить с фактами нарушения в Кашмире прав человека, репрессиями против мирных жителей [20, с. 380]. Т. Л. Шаумян подчеркивает, что в свою очередь в 1995–2005 гг. Дели часто выступал против инициатив Вашингтона на мировой арене [15, с. 102]. Тем не менее, согласно В. И. Сотникову, в конце 1990-х гг. Вашингтон выделил Индию в качестве доминирующей страны в Южной Азии и стал придавать приоритетное значение американско-индийским отношениям [42, с. 195]. Исследователи называют и конкретные действия Вашингтона, свидетельствующие о намерении Америки сблизиться с Дели. Например, Ф. Н. Юрлов указывает на то, что после некоторых колебаний администрация Клинтона пришла к выводу, что кашмирская проблема должна быть решена Индией и Пакистаном на двусторонней основе с учетом пожеланий народа Кашмира. Такая позиция американцев привела к заметному улучшению американско-индийских отношений [17, с. 739].

В российской историографии распространенной является точка зрения о том, что новый этап в двусторонних отношениях начался после визита в Дели Б. Клинтона в марте 2000 г. По словам Ф. Н. Юрлова, пришедшая в январе 2001 г. в Белый дом администрация Буша-мл. продолжила внешнеполитический курс, намеченный демократами [17, с. 751; 53, с. 6]. После терактов 11 сентября 2001 г. Вашингтон существенно активизировал свою политику в Южной Азии [17, с. 702]. Однако США и Индия не избавились от имевшихся противоречий. Ведь обе страны по-прежнему придерживались разных подходов по ряду актуальных вопросов мирового развития. Если в Соединенных Штатах преобладало мнение о целесообразности вовлечения Индии в сферу мировой деятельности Вашингтона, то в Индии были и есть влиятельные политические силы, не разделяющие такой точки зрения [14]. По мнению Ф. Н. Юрлова, не способствовали активизации американско-индийских отношений и отдельные внешнеполитические шаги США – например, американское вторжение в Ирак в марте 2003 г. Как известно, Дели выступил против одностороннего применения силы в обход ООН. Индийцы считали, что урегулирование ситуации в Ираке возможно только политическими, а не военными методами [17, с. 705–706].

С точки зрения исследователей, ускорение американско-индийские отношения получили с середины 2000-х гг. Так, Ф. Н. Юрлов считает, что, подписав в 2005 г. соглашение о сотрудничестве в ядерной сфере, США и Индия заложили фундамент для партнерства и в других сферах. На декларативном уровне Вашингтон заявил, что рассчитывает на стабильную и процветающую Индию, которая будет играть все возрастающую роль в мировой политике XXI в. [17, с. 680]. Эксперт обращает внимание на то, что Соединенные Штаты надеялись втянуть Индию в орбиту своей внешней политики. С такой оценкой солидарна и Т. Л. Шаумян [15, с. 102].

Рассматривая внешнюю политику США в регионе, исследователи отмечают, что администрация Обамы продолжила курс администрации Буша-мл. [16, с. 4–5]: стремится значительно расширить сферы американско-индийского сотрудничества, т.е. выйти за пределы мирного использования атома с тем, чтобы еще больше вовлечь Дели во взаимодействие с Вашингтоном и постараться максимально увеличить зависимость Индии от США [40, с. 54].

Ф. Н. Юрлов пишет, что со своей стороны, Дели также стремится улучшить отношения с Соединенными Штатами и сделать двустороннее партнерство более конструктивным [16, с. 10]. Правда он отмечает, что в Индии есть влиятельные политические силы (как левые, так и правые), не готовые пойти на полномасштабное сотрудничество с Америкой, тем более на американских условиях [17, с. 681]. К тому же у американцев, как и у индийцев, до сих пор нет убедительного ответа на вопрос: как достичь стратегического партнерства при наличии ряда проблем [16, с. 7; 17, с. 709].

По словам В. Малеева, в период президентства Б. Обамы американцы стали более благосклонно относиться к роли Индии в Афганистане, включая и вопросы безопасности. Как представляется эксперту, у США и Индии общие заботы – обеспечить сравнительно мирную и стабильную ситуацию в Афганистане и Пакистане [12]. Однако, по справедливому мнению И. В. Олсуфьева, США не удалось превратить Индию в своего послушного вассала в Южной Азии. Дели пошел на сотрудничество с Вашингтоном в соответствии со своими национальными интересами [39, с. 22].

Таким образом, российские авторы, анализируя американско-индийские отношения, отмечают заинтересованность Вашингтона в проамериканской Индии, которая нужна американцам по целому ряду причин. Они подчеркивают заинтересованность сторон в партнерских отношениях друг с другом, но при этом отмечают наличие ряда противоречий по актуальным проблемам мирового развития.

Американо-пакистанские отношения в оценках российских исследователей

Рассматривая эволюцию американско-пакистанских отношений в постбиполярный период, российские авторы указывают на их взлеты и падения. Так, по словам С. И. Лунева, после окончания «холодной войны» Пакистан потерял былое значение для Соединенных Штатов, следствием чего стало сокращение американской помощи. Вашингтон стал рассматривать Исламабад лишь как союзника регионального уровня, полезный американцам в зоне Персидского залива и на Среднем Востоке [5, с. 34]. Более того, эксперты отмечают, что в 1990 г. США ввели в отношении Исламабада санкции по причине подозрений

в стремлении Пакистана обзавестись ядерным оружием [5, с. 34; 22; 34, с. 39; 42, с. 195; 48, с. 39–40]. Как подчеркивает В. Я. Белокреницкий, после окончания операции «Буря в пустыни» американо-пакистанские отношения несколько улучшились. Однако, несмотря на давление представителей американского ВПК, Белый дом не возобновил Исламабаду военную помощь, свернутую в 1990 г. Более того, ведущими в американо-пакистанских отношениях стали проблемы пакистанской ядерной программы и существования в этой стране авторитарного политического режима. Лишь в 1995 г. США отменили многие санкции, что давало возможность возобновить оказание экономической помощи и разрешало военное сотрудничество, размораживая поставки американских вооружений [20, с. 380–381].

Российские авторы считают, что в 1990-е гг. над Пакистаном нависла угроза обвинения в поддержке терроризма. Так, В. Я. Белокреницкий указывает на осложнение американо-пакистанских отношений из-за поддержки Исламабадом движения Талибан, которое предоставило возможность действовать на своей территории боевикам Аль-Каиды [20, с. 399]. Многие в США даже стали рассматривать Пакистан как «страну-изгой, воспитавшую террористов» [20, с. 367–368]. В результате, как отмечают эксперты, поддержка Талибана и Аль-Каиды отрицательно сказалась на американо-пакистанских отношениях и явилась одной из причин международной изоляции Пакистана на рубеже веков [20, с. 407–408; 34, с. 41]. При этом А. В. Воробьев констатирует, что на рубеже XX–XXI вв. в американской политике в отношении Пакистана ведущую роль играли вопросы обеспечения национальной безопасности США и реализации их геополитических интересов [21, с. 23].

По утверждению российских исследователей, трагические события 11 сентября 2001 г. привели к изменению роли и места Пакистана во внешнеполитической стратегии США. Ряд авторов указывает на то, что Вашингтон вновь начал оказывать масштабную поддержку Исламабаду, рассматривая его как потенциальный оплот борьбы с международным терроризмом. Начавшаяся осенью 2001 г. контртеррористическая операция в Афганистане опять сделала Исламабад американским союзником [17, с. 702; 20, с. 429, 456–457; 22; 28; 42, с. 202]. Более того Пакистан был объявлен наиболее важным «союзником» США среди стран, не являющихся членами НАТО [34, с. 33, 41–42; 38, с. 203]. При этом В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко, Ф. Н. Юрлов отмечают, что Вашингтон фактически принудил Пакистан к сотрудничеству с антитеррористической коалицией [17, с. 703; 19, с. 26; 34, с. 41–42]. С этого момента, считает А. В. Фененко, США стали преследовать «в отношении Исламабада две цели: 1) получение поддержки в борьбе с талибами, вытесненными в пакистанскую часть «зоны племен»; 2) обеспечение безопасности пакистанского ядерного потенциала» [35, с. 35]. Правда М. В. Братерский обращает внимание на то, что несмотря на статус наиболее важного союзника Вашингтона вне НАТО, США не были обязаны автоматически выступать в защиту Пакистана в случае военного конфликта с его участием [3, с. 42].

Тем не менее, согласно экспертам, Белый дом вознамерился сделать Исламабад послушным младшим партнером. Так, по словам С. А. Оборотова, в конце 2004 г. администрация Буша-мл. приняла решение способствовать становлению Пакистана как умеренной исламской демократии [38, с. 281]. Как отмечает С. Н. Каменев, Белый дом на протяжении всего президентства Дж. Буша-мл. выступал в Конгрессе за предоставление экономической и военной помощи Пакистану [28]. Однако, согласно В. Я. Белокреницкому, в отличие от Индии, американское сотрудничество с Пакистаном в ядерной сфере восстановлено не было. Естественно это вызвало недовольство «лучшего союзника» США [20, с. 457].

Более того, рассматривая развитие американо-пакистанских отношений в XXI в., эксперты подчеркивают их сложность. Так, Н. А. Замараева отмечает наличие множества противоречий между США и Пакистаном, в основном касающихся борьбы с талибами. Так, она полагает, что для американцев Исламабад представляется «неустойчивым» союзником, в то время как пакистанцы считают требования американцев необоснованно завышенными. По ее словам Вашингтон был недоволен вкладом Пакистана в борьбу с терроризмом, а также поддержкой талибов [26]. К тому же, как указывают исследователи, участие Исламабада в антитеррористической кампании в Афганистане, возглавляемой США, вызвало в Пакистане недовольство и рост антиамериканских настроений среди населения [34, с. 26]. Согласно Г. И. Мирскому, многие пуштуны восприняли изгнание американцами талибов из Афганистана как поражение всего пуштунского народа, поскольку их племена, испокон веков проживавшие по обе стороны границы, фактически ее не признавали, считая, что живут в одной пуштунской стране [33, с. 59]. В свою очередь, В. Н. Москаленко и П. В. Топычканов подчеркивают, что активизация использования американцами беспилотных летательных аппаратов против целей в Пакистане привела к массовым протестам пакистанцев. Более того, гибель мирных жителей от беспилотников питала антиамериканские настроения и заставляла некоторых пакистанцев присоединяться к боевикам [34, с. 45]. По словам Н. А. Замараевой, парадокс американо-пакистанских отношений заключается в том, что чем больше США предоставляют военную помощь Исламабаду, тем сильнее антиамериканские настроения внутри страны [22].

Одновременно с этим российские исследователи отмечали тревогу американцев по поводу обстановки в Пакистане. Так, согласно Ф. Н. Юрлову, Вашингтон опасался, что П. Мушарраф мог потерять власть в стране, и тогда судьба Пакистана и всей войны в Афганистане могла оказаться в руках людей,

настроенных менее доброжелательно к США. Еще более тревожил американцев такой сценарий, по которому к власти в Исламабаде могли прийти исламские экстремисты, что означало бы их доступ к ядерному оружию [17, с. 703–704]. С точки зрения В. Я. Белокрыничко, Пакистан проявлял двойственность по отношению к США в их борьбе с терроризмом в Афганистане. С одной стороны, Исламабад помогал Вашингтону бороться с «Аль-Каидой» и другими исламистами, а с другой – продолжал контактировать с противниками американцев, позволяя им вооружаться, вести антиамериканскую пропаганду и т.д. [19] Правда, как отмечает Г. И. Мирский, когда талибы, пользуясь бездействием пакистанских властей, перешли в наступление, Вашингтону стало ясно, что П. Мушарраф не справляется с ролью союзника американцев в регионе. Эксперт указывает, что госсекретарь К. Райс даже пыталась выдвинуть на передний план Б. Бхутто, сделав ее премьером Пакистана, отодвинув на второй план Мушаррафа, но убийство Бхутто перечеркнуло этот сценарий. Американцам не оставалось ничего иного, как согласиться на отстранение от власти Мушаррафа. В итоге, новым главой государства стал муж покойной Беназир – А. А. Зардари. Однако он столкнулся с теми же проблемами, что и предшественник, в том числе с необходимостью вытеснить радикальных исламистов и не допустить появления «Пакистанского Талибана» [33, с. 60]. Тем более что, по мнению российских экспертов, демократический режим А. А. Зардари оказался более слабым, нежели авторитарный режим П. Мушаррафа, чем и воспользовались талибы [40, с. 50].

По мнению Г. И. Мирского, американо-пакистанские отношения существенно осложнились после того как летом 2008 г. президент Дж. Буш-мл. санкционировал наземные рейды в Пакистан, начавшиеся уже осенью. Прямое вторжение американских войск вызвало бурю возмущения среди пакистанцев. Масла в огонь подлило заявление кандидата в президенты США Б. Обамы о том, что если пакистанские вооруженные силы окажутся не в состоянии сами справиться с боевиками, придется вмешаться американцам. Поэтому ученый подчеркивает, что «хуже, чем интервенция американских войск, для пакистанцев, среди которых очень сильны антиамериканские настроения, ничего быть не может» [33, с. 60–61].

Отдельные российские исследователи полагают, что американо-пакистанские отношения при администрации Обамы несколько ухудшились по сравнению с периодом президентства Буша-мл. Хотя, как считает С. Н. Каменев, сразу после своего избрания на пост президента Б. Обама демонстрировал стремление углубить отношения с Исламабадом [28]. Г. И. Мирский указывает на то, что в Вашингтоне решили сделать упор на необходимость оказания прежде всего экономической помощи Пакистану с тем, чтобы облегчить бремя расходов Исламабада на военные нужды и поднять уровень жизни пакистанцев, дабы снизить антиамериканские настроения в данной стране [33, с. 61]. Н. А. Замараева также подчеркивает, что администрация Обамы стала рассматривать Пакистан в качестве важного стратегического союзника в борьбе с терроризмом [25]. Рассматривая позицию Вашингтона в отношении Пакистана, С. М. Самуйлов обращает внимание на то, что администрация Обамы стала оказывать сильный нажим на пакистанские власти с тем, чтобы пакистанцы развернули контрнаступление против талибов. Бездействие Исламабада привело к тому, что американо-пакистанские отношения достигли пика напряженности, которая спала лишь после того, как власти Пакистана перешли к активным действиям против движения «Талибан» [40, с. 51]. Согласно А. В. Фененко из МГУ, ключевым направлением американской политики в отношении Пакистана стала модернизация двусторонней системы взаимодействия с учетом военно-политической ситуации в Афганистане [35, с. 23, 38].

Н. А. Замараева подчеркивает, что продолжение американского курса в отношении Пакистана (ключевой союзник в переговорном процессе по вопросу мирного урегулирования в Афганистане) осталось приоритетным для американских демократов во время избирательной кампании 2012 г. Соответственно переизбрание Б. Обамы на второй президентский срок подтверждает продолжение курса США в регионе [27]. Она характеризует статус американо-пакистанских отношений как «противоборство» в рамках стратегического партнерства. По ее мнению, каждая сторона продемонстрировала за последние годы потенциал и методы отстаивания национальных интересов в регионе. При этом каждая из сторон заинтересована в долгосрочном сотрудничестве как на двустороннем, так и региональном уровнях [27].

Однако впоследствии, по словам Н. А. Замараевой, вывод американских войск из Афганистана, переориентация Белого дома на АТР, конфликты в Сирии и Ираке оставили в прошлом необходимость Вашингтона учитывать позиции Исламабада [24].

Другие эксперты придерживаются несколько иной точки зрения. Так, согласно В. А. Малееву, сегодня любое правительство США и Пакистана объективно должны поддерживать нормальные отношения друг с другом, так как у них нет иного выхода. Исходя из этого, тезис об ослаблении американо-пакистанских связей не имеет под собой оснований. Более того, исследователь предсказывает этому альянсу долгое будущее. По его словам, после ухода войск Запада из Афганистана Пакистан будет еще большим проводником и исполнителем планов Вашингтона по подчинению Южной и Юго-Западной Азии интересам США [32]. К тому же В. А. Малеев указывает на то, что главной причиной благодаря которой Вашингтон не может игнорировать интересы Пакистана в регионе является его ядерный статус [32].

Эксперт В. Куликов также считает, что американцы приняли решение об укреплении не только политического, но и военно-стратегического сотрудничества с Пакистаном. К таким шагам Вашингтон подталкивает ряд обстоятельств, среди которых принадлежность Пакистана к числу ядерных держав, согласие этой страны поддержать спонсируемую Вашингтоном саудовскую антииemenскую коалицию и, таким образом, встать на защиту интересов не только Саудовской Аравии, но и США в регионе [51].

Итак, исследователи анализируют комплекс причин, вызвавших сложности в американо-пакистанских отношениях. Все без исключения эксперты подчеркивают, что после окончания «холодной войны» Пакистан утратил прежнее значение во внешнеполитической стратегии США. По общепринятому в российской историографии мнению, лишь после событий 11 сентября 2001 г. роль Исламабада во внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов вновь повысилась. Однако двусторонние отношения не стали безоблачными, в связи с разным видением сторонами борьбы с терроризмом.

Эксперты о реакции США на проблему ядерного нераспространения в Южной Азии

В российской историографии насчитывается немало публикаций, рассматривающих проблему ядерного нераспространения в мире. Неудивительно, что стратегическая ситуация в Южной Азии, связанная с появлением там ядерного оружия, стала предметом всестороннего изучения исследователей. На сегодняшний день появился ряд работ, посвященных данной проблематике, особенно после проведенных в 1998 г. Индией и Пакистаном ядерных испытаний. Из имеющихся публикаций можно выделить исследование В. Н. Москаленко, С. А. Оборотова, Р. М. Тимербаева, А. А. Шилина, Ф. Н. Юрлова и др., в которых уделяется внимание политике контрраспространения США в условиях стремления Дели и Исламабада стать ядерными державами [7; 38; 42–49].

По признанию российских авторов, все попытки США предотвратить появление у Индии и Пакистана ядерного оружия не имели успеха, хотя в некоторые периоды казалось, что решение проблемы американцами было найдено. Еще в 1994 г. В. Ф. Давыдов отмечал, что самые значительные трудности возникали перед Вашингтоном в попытках предотвратить распространение ОМУ в Южной Азии. Ученый обращал внимание, что Дели негативно относился к идее создания безъядерной зоны в регионе. По его мнению, американское давление принесло временные результаты: возникла возможность оказания дипломатического воздействия на Дели и Исламабад [37, с. 23]. При этом, по словам В. Я. Белокреницкого, Индия подвергалась более жесткому давлению со стороны Америки, нежели Пакистан [20, с. 399].

Российские исследователи подчеркивают, что после индийских ядерных испытаний 11 мая 1998 г. Соединенные Штаты пытались не допустить подобных действий со стороны Исламабада, поскольку это наносило серьезный удар по режиму нераспространения ОМУ. По словам С. А. Оборотова, в первые две недели после ядерных испытаний усилия Вашингтона были направлены на решение двух задач: политической и экономической изоляции Индии и сдерживания Пакистана от ответных действий [38, с. 136]. Как указывает В. И. Сотников, американцы предложили Пакистану ряд выгодных предложений в военно-экономической сфере лишь бы предостеречь Исламабад от шагов, подобных индийским [42, с. 116]. Правда, 28 мая 1998 г. Пакистан осуществил серию «ответных» ядерных испытаний и Вашингтон заявил о применении к Исламабаду санкций [38, с. 138–139]. Согласно Р. М. Тимербаеву, после проведения Индией и Пакистаном ядерных взрывов наиболее жесткие действия в их отношении были предприняты Вашингтоном, который в соответствии с законом 1994 г., известном также как поправка Гленна и рядом других законодательных актов наложил запрет на экспорт чувствительных технологий, прекратил военную и иностранную помощь, а также предоставление кредитов и запретил американским коммерческим банкам предоставлять займы правительствам Индии и Пакистана [43, с. 19]. Однако, с точки зрения С. А. Оборотова, Вашингтону не удалось добиться какого-либо прогресса в этом направлении [38, с. 158]. Поэтому через некоторое время администрация Клинтона была вынуждена скорректировать свой внешнеполитический курс относительно ядерной проблемы в Южной Азии. Пришедшие в начале 2001 г. в Белый дом республиканцы продолжили начатую демократами политику.

С точки зрения российских исследователей, республиканская администрация Буша-мл. пошла на беспрецедентные уступки Индии при заключении с ней «ядерной сделки» и налаживании полномасштабного сотрудничества в сфере мирного использования атома [40; 41]. Хотя, как отмечает Ф. Н. Юрлов, в ходе американо-индийских переговоров между сторонами возникли серьезные проблемы [49, с. 6]. Эксперты указывают, что администрация Буша-мл. стала рассматривать Индию не как проблему режима нераспространения, а как партнера в борьбе с распространением оружия массового уничтожения [40, с. 41]. Они объясняют такую свехуступчивость американцев в первую очередь геополитическими расчетами и намерениями Вашингтона, а уже затем американской заинтересованностью в укреплении режима нераспространения и, следовательно, собственной безопасности [40, с. 38]. По мнению исследователей, с помощью данного соглашения Вашингтон попытался вовлечь Дели в «войну с международным терроризмом». Правда, Индия отказалась посылать свои войска в Ирак. Кроме того, американцы намеривались вытеснить Россию в качестве главного поставщика вооружений Индии [40, с. 43].

Российские авторы, рассматривая этапы заключения «ядерной сделки» между Вашингтоном и Дели, указывают на кардинальное изменение политики США в отношении Индии. Экспертами подчеркивается, что де-факто Соединенные Штаты признали Индию ядерным государством [39; 40; 41]. Более того, И. В. Олсуфьев подчеркивает, что Индии удалось получить больше выгод от заключения «ядерной сделки», чем США [39, с. 23]. В итоге, ядерный фактор не смог стать основой для построения стратегических отношений, хотя и создал новую модель партнерства, в которых Вашингтон и Дели расширяют сферы сотрудничества, признавая наличие ряда расхождений [36, с. 22].

Со своей стороны, Пакистан, выступивший с наиболее острой критикой в адрес американо-индийского соглашения о сотрудничестве в области ядерной энергетики, также предпринял попытки договориться с Соединенными Штатами о заключении аналогичного ядерного соглашения, однако американцы ответили отказом, что лишний раз подчеркивает, что в геополитическом плане в настоящее время Индия важнее для США, нежели Пакистан. Поэтому налаживание полномасштабного стратегического американо-индийского партнерства в сфере мирного атома исследователи относят к одному из немногих внешнеполитических успехов республиканской администрации Буша-мл. [40, с. 49].

Таким образом, российские эксперты, рассматривая политику США в Южной Азии, ставят в центр внимания ядерный фактор. Справедливыми во всех отношениях являются их суждения о том, что реакция Соединенных Штатов на ядерные взрывы, произведенные Индией и Пакистаном, являлась весьма предсказуемой. Сначала Вашингтон попытался ввести санкции в отношении двух южноазиатских держав, а затем попытался навязать свои правила урегулирования возникшей ядерной проблемы. В конечном итоге США были вынуждены признать ядерный статус южноазиатских государств.

Исследователи о конфигурациях «США – Индия – КНР» и «США – Пакистан – КНР»

Среди российских публикаций, посвященных международным отношениям в Азии, значительное место занимают исследования о геополитических треугольниках «США – Индия – КНР» и «США – Пакистан – КНР». В первую очередь это связано с разворачивающимся соперничеством между Вашингтоном и Пекином за преобладание в мире, в том числе и в южноазиатском регионе.

Многие российские исследователи обращают внимание на попытки Вашингтона использовать Индию в качестве одного из инструментов сдерживания КНР [16, с. 4; 50]. По словам С. А. Оборотова, Индия является идеальным вариантом для Вашингтона в качестве противовеса Пекину, поскольку она сопоставима с КНР по геополитическому потенциалу. К тому же, на руку американцам и наличие множества противоречий между Дели и Пекином, затрудняющие их тесное сближение [38, с. 94]. Эксперт отмечает, что именно в 1990-е гг., особенно после Тайваньского кризиса 1995–1996 гг., впервые в истории американо-индийских отношений Вашингтон пришел к пониманию того факта, что сближение с Дели соответствует национальным интересам США [38, с. 91]. Как считает Ф. Н. Юрлов, расширение китайского влияния в Южной Азии вызвало глубокую озабоченность Вашингтона. Поэтому американцами была поставлена задача сохранить мощное военное присутствие США в этом районе мира. По этой причине предлагалось уделять больше внимания роли Индии в региональном балансе сил. Незадолго до трагических событий 11 сентября 2001 г. Вашингтон наметил стратегию сближения с Дели [17, с. 701].

В XXI в. Соединенные Штаты взяли курс на вовлечение Индии в орбиту своей внешней политики. С таких позиций российские исследователи рассматривают и заключение соглашения между Вашингтоном и Дели. Как отмечает С. А. Оборотов, «главной мотивацией администрации Буша-мл. в заключении ядерного соглашения с Индией являются долгосрочные геополитические расчеты на то, что более мощная и дружелюбно-настроенная Индия будет представлять идеальный противовес Китаю в системе нового мирового порядка» [38, с. 244]. Об этом же пишут С. М. Самуйлов и И. В. Олсуфьев из Института США и Канады РАН. Они указывают на расчеты США вовлечь Индию в сферу своего влияния и сделать ее стратегическим союзником. В этом случае Вашингтон может сформировать прозападный «демократический альянс» в лице США, Индии, Японии, Австралии, который будет, по меньшей мере, эффективно сдерживать и геополитически уравновешивать усиливающиеся КНР и ШОС [39, с. 21; 40, с. 41].

Согласно А. Ф. Клименко из Института Дальнего Востока РАН, США придают большое значение Индии в плане «сдерживания» КНР. Однако, по справедливому замечанию эксперта, между Вашингтоном и Индией еще не достигнут необходимый для данной цели уровень взаимодействия. Более того, у сторон разные взгляды на те или иные актуальные проблемы мировой политики. США и Индия имеют разные подходы к иранской ядерной проблеме: в отличие от Вашингтона Дели не стремится к ужесточению политики в отношении Тегерана. Эксперт даже считает, что разногласия по данной проблеме могут стать существенным препятствием для развития американо-индийских отношений [50, с. 63–64].

В свою очередь Индия, по замечанию Т. Л. Шаумян, учитывая интересы США в своей региональной политике, рассчитывает на обеспечение своих собственных национальных интересов, а также укрепление своих позиций в отношении КНР [15, с. 119]. Ф. Н. Юрлов также пишет о том, что в своих отношениях с США, как и с другими странами, Индия, скорее всего, будет позиционировать себя как будущая великая держава, а не младший партнер [54, с. 10]. Тем более что с точки зрения исследователя, в

треугольнике США – Индия – КНР Вашингтон отдает предпочтение именно Китаю как самому крупному торгово-экономическому партнеру и одновременно возможному будущему политическому оппоненту. По словам Ф. Н. Юрлова, наблюдается двойственное отношение Америки к Китаю и Индии. Она хочет вовлечь Индию в качестве союзника в своем предполагаемом противостоянии с Китаем. Но Индия вряд ли станет частью откровенного антикитайского блока, что создало бы напряженность на ее границах. Политическое «сдерживание» Китая также не отвечает ее интересам [54, с. 10].

Наряду с треугольником США – Индия – КНР российские исследователи также рассматривают треугольник США – Пакистан – КНР. Так, А. В. Фененко констатирует, что в США вызывают большое раздражение попытки укрепления влияния в регионе КНР через механизмы ШОС или китайско-пакистанского партнерства [35, с. 45]. Поэтому, по мнению В. А. Малеева, и США, и Китай, исходя из своих глобальных интересов, будут продолжать разыгрывать региональную карту, используя до определенной степени Пакистан как рычаг давления друг на друга, а также на Индию – еще одного крупного политического игрока [52]. По мнению В. Куликова, решающим фактором в сфере американо-пакистанского сотрудничества, безусловно, является заметное развитие в последнее время пакистано-китайского военного сотрудничества, чего Вашингтон совершенно не желает допускать и стремится противопоставить действиям КНР свои «выгодные» предложения Исламабаду в военно-техническом сотрудничестве [51]. Согласно эксперту, в целях сохранения Пакистана в зоне своего влияния, в конце 2014 г. США объявили о продаже Исламабаду партии вооружений [51]. В. Куликов считает, что Пакистан превращается в арену активной борьбы за влияние в этой стране между Вашингтоном и Пекином, а также между производителями вооружений и военной техники из США и КНР [51].

Таким образом, в основном российские исследователи рассматривают действия Вашингтона в Южной Азии в контексте американо-китайского геополитического соперничества. Общепринятым является их утверждение о том, что Америка пытается противопоставить Пекину Дели в качестве геополитического балансира в регионе, а также не допустить чрезмерного китайско-пакистанского сближения.

Заключение. Изучение российских публикаций показывает, что внешняя политика США в отношении Южной Азии в постбиполярный период является в российской историографии менее изученной, нежели другие региональные направления внешнеполитической стратегии Вашингтона. В частности, на сегодняшний день отсутствуют фундаментальные работы, посвященные действиям американцев в данном регионе. Тем не менее, существуют отдельные публикации, в которых с разных позиций рассматриваются концептуальные основы внешней политики Соединенных Штатов в южноазиатском регионе, американо-индийские и американо-пакистанские отношения, влияние ядерного фактора на внешнеполитическую стратегию США в Южной Азии, геополитические треугольники США – Индия – КНР и США – Пакистан – КНР. Характеризуя внешнюю политику Вашингтона в регионе, большинство исследователей придерживается примерно одинаковых оценок. Как правило, расхождения у российских авторов касаются лишь частных аспектов внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов в Южной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белокреницкий, В. Я. Южная Азия в мировой политике / В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко, Т. Л. Шаумян. – М. : Междунар. отношения, 2003. – 365 с.
2. Белокреницкий, В. Я. Южная Азия в современном политическом мире: Взгляд из Москвы / В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко, Т. Л. Шаумян. – Lewiston, N. Y. : Edwin Mellen Press, 2001. – 414 с.
3. Братерский, М. В. Вашингтон и новые региональные державы Азии / М. В. Братерский // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 3. – С. 39–58.
4. Лунев, С. И. Дипломатия в Южной Азии / С. И. Лунев. – М. : Наука, 1993. – 196 с.
5. Лунев, С. И. Межгосударственные отношения в Южной Азии (региональные и глобальные измерения) : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.03 / С. И. Лунев. – М., 1994. – 35 с.
6. Лунев, С. И. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии / С. И. Лунев, Г. К. Широков. – М. : Academia, 2001. – 304 с.
7. Moskalenko, V. Russia's Security and the Geopolitical Situation in South Asia / V. Moskalenko, T. Shaumian // Russia and Asia. The Emerging Security Agenda / SIPRI ; ed. by G. Chufirin. – Oxford Univ. Press, 1999. – P. 229–246.
8. Широков, Г. К. Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах / Г. К. Широков, С. И. Лунев. – М. : ИВ РАН, 1998. – 160 с.
9. Южная Азия: конфликты и геополитика / В. Я. Белокреницкий [и др.]. – М. : ИВ РАН, 1999. – 174 с.
10. Антипин, А. Индия – США: кто в ком больше нуждается? / А. Антипин // Компас. – 2013. – № 34. – С. 29–30.
11. Кармалито, С. Индия – США: готовность к наращиванию стратегического партнерства вопреки сохраняющимся неопределенностям / С. Кармалито // Компас. – 2009. – № 32. – С. 30–42.
12. Малеев, В. К итогам визита госсекретаря Д. Керри в Индию [Электронный ресурс] / В. Малеев // Новое Восточное Обозрение. – 2013. – 09 июля. – Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2013/07/09/k-itogam-vizita-gossekretery-a-ssha-d-kerri-v-indiyu/>. – Дата доступа: 23.09.2015.
13. Протопопова, Е. Индия – США: укрепление сотрудничества на основе взаимовыгодного партнерства / Е. Протопопова // Компас. – 2010. – № 48. – С. 42–46.

14. Топычканов, П. Между Путиным и Обамой: как России не потерять Индию [Электронный ресурс] / П. Топычканов // РосБизнесКонсалтинг. – 2014. – 10 декабря. – Режим доступа: <http://daily.rbc.ru/opinions/politics/10/12/2014/5488588b2ae596ce1d2c9f7f>. – Дата доступа: 03.07.2015.
15. Шаумян, Т. Л. Независимая внешняя политика в условиях глобальной взаимозависимости: опыт Индии / Т. Л. Шаумян // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Междунар. отношения и мир. политика. – 2011. – № 1. – С. 98–129.
16. Юрлов, Ф. Н. Внешнеполитические приоритеты: амбиции и проблемы / Ф. Н. Юрлов // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 8. – С. 2–10.
17. Юрлов, Ф. Н. История Индии. XX век / Ф. Н. Юрлов, Е. С. Юрлова. – М. : ИВ РАН, 2010. – 920 с.
18. Юрлов, Ф. Н. США и Индия: нелегкий путь к партнерству / Ф. Н. Юрлов // Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 2. – С. 16–22.
19. Белокреницкий, В. Я. Война в горах. Талибы и пакистано-афганское приграничье / В. Я. Белокреницкий // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 7. – С. 24–28.
20. Белокреницкий, В. Я. История Пакистана. XX век / В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко. – М. : ИВ РАН : Крафт+, 2008. – 576 с.
21. Воробьев, А. В. Политика США в отношении Исламской Республики Пакистан на рубеже XX – XXI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. В. Воробьев. – Казань, 2011. – 25 с.
22. Замараева, Н. А. Кризис региональной стратегии США на примере Пакистана [Электронный ресурс] / Н. А. Замараева // Ин-т Ближнего Востока. – 2008. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/23-01-08.htm>. – Дата доступа: 25.08.2015.
23. Замараева, Н. Новый этап пакистано-американского военного сотрудничества [Электронный ресурс] / Н. Замараева // Ин-т Ближнего Востока. – 2008. – 12 января. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=6644>. – Дата доступа: 23.09.2015.
24. Замараева, Н. Пакистан: внешняя политика премьер-министра Н. Шарифа [Электронный ресурс] / Н. Замараева // Новое Восточное Обозрение. – 2014. – 11 июля. – Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2014/07/11/pakistan-vneshnyaya-politika-prem-er-ministra-n-sharifa/>. – Дата доступа: 01.08.2015.
25. Замараева, Н. Пакистан – США: на пути к возобновлению стратегического диалога [Электронный ресурс] / Н. Замараева // Ин-т Ближнего Востока. – 2013. – 29 октября. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=18540#more-18540>. – Дата доступа: 23.09.2015.
26. Замараева, Н. Пакистан – США: накануне встречи на высшем уровне [Электронный ресурс] / Н. Замараева // Ин-т Ближнего Востока. – 2013. – 22 октября. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=18501#more-18501>. – Дата доступа: 23.09.2015.
27. Замараева, Н. Пакистан в стратегии США после переизбрания Б. Обамы на второй президентский срок [Электронный ресурс] / Н. Замараева // Ин-т Ближнего Востока. – 2012. – 25 ноября. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=16165>. – Дата доступа: 23.09.2015.
28. Каменев, С. Н. Развитие пакистано-американских отношений после вступления в должность Барака Обама [Электронный ресурс] / С. Н. Каменев // Ин-т Ближнего Востока. – 2009. – 30 января. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/30-01-09a.htm>. – Дата доступа: 21.09.2015.
29. Карманов, Д. Пакистан и США пытаются улучшить отношения / Д. Карманов // Компас. – 2011. – № 18. – С. 10–13.
30. Кирсанов, Д. США – Пакистан: кратковременное обострение отношений без угрозы серьезного охлаждения / Д. Кирсанов // Компас. – 2009. – № 45. – С. 62–67.
31. Коргун, В. Г. США в зоне «проблемного треугольника» [Электронный ресурс] / В. Г. Коргун // Ин-т Ближнего Востока. – 2005. – 28 июня. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=3705>. – Дата доступа: 23.09.2015.
32. Малеев, В. А. Пакистано-американские отношения и их роль в сохранении стабильности в Южной и Юго-Западной Азии [Электронный ресурс] / В. А. Малеев // Новое Восточное Обозрение. – 2013. – 04 апреля. – Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2013/04/04/pakistano-amerikanskie-otnosheniya-i-ih-rol-v-sohraneni-stabilnosti-v-yuzhnoj-i-yugo-zapadnoj-azii/>. – Дата доступа: 01.08.2015.
33. Мирский, Г. США и Пакистан: альянс, разрушаемый талибами? / Г. Мирский // Мир. экономика и междунар. отношения. – 2009. – № 3. – С. 58–63.
34. Москаленко, В. Сила и слабость Пакистана / В. Москаленко, П. Топычканов. – М. : Моск. Центр Карнеги, 2013. – 75 с.
35. Фененко, А. В. Проблематика «АфПак» в мировой политике / А. В. Фененко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Междунар. отношения и мир. политика. – 2013. – № 2. – С. 23–48.
36. Гаврилова, В. А. Развитие американо-индийских отношений в 1993 – 2012 гг. (роль ядерного фактора) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. А. Гаврилова. – Томск, 2015. – 23 с.
37. Давыдов, В. Ф. Россия и США: перед вызовом ядерного распространения / В. Ф. Давыдов // США : экономика, политика, идеология. – 1994. – № 1. – С. 18–27.
38. Оборотов, С. А. Ядерный фактор в американо-индийских отношениях: 1991 – 2008 / С. А. Оборотов. – М. : Либроком, 2009. – 320 с.
39. Олсуфьев, И. В. Формирование и развитие политики США в отношении ядерного потенциала Индии : 1998 – 2008 гг. : автореф. дис. ... канд. пол. наук : 23.00.04 / И. В. Олсуфьев. – М., 2011. – 24 с.
40. Самуйлов, С. М. США – Индия: ядерное партнерство и геополитика / С. М. Самуйлов, И. В. Олсуфьев // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – № 4. – С. 37–56.
41. Самуйлов, С. «Ядерная сделка» между США и Индией / С. Самуйлов, И. Олсуфьев // Свободная мысль. – 2011. – № 6. – С. 17–30.
42. Сотников, В. И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях (вторая половина XX – начало XXI века) / В. И. Сотников. – М. : Науч. книга, 2003. – 256 с.

43. Тимербаев, Р. Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние на региональную и международную безопасность / Р. Тимербаев // Научные записки ПИР-Центра. – № 17. Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы. – М., 2001. – С. 5–35.
44. Фененко, А. В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор / А. В. Фененко ; отв. ред. В. А. Веселов. – М. : ЗАО Изд-во «Аспект Пресс», 2013. – 573 с.
45. Фененко, А. В. Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США / А. В. Фененко ; отв. ред. А. Д. Богатуров, В. А. Веселов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 246 с.
46. Чуфрин, Г. И. Ядерный фактор как источник новых конфликтных ситуаций и угроз национальной безопасности на Южном направлении / Г. И. Чуфрин, В. Н. Москаленко, Т. Л. Шаумян. – М. : Рос. центр стратегич. и междунар. исследований, 1994. – 86 с.
47. Шилин, А. А. Стратегический баланс в Южной Азии / А. А. Шилин. – М. : Науч. книга, 2004. – 288 с.
48. Шилин, А. Эскалация вооружений в Южной Азии / А. Шилин // Научные записки ПИР-Центра. – № 17. Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы. – М., 2001. – С. 36–61.
49. Юрлов, Ф. Н. Индия: ядерная энергетика и геополитика / Ф. Н. Юрлов // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 11. – С. 2–9.
50. Клименко, А. Ф. Новая военная стратегия США и эволюция американо-китайско-индийских отношений в АТР в сфере проблем безопасности / А. Ф. Клименко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2012. – Т. 17, № 17. – С. 58–72.
51. Куликов, В. Пакистан превращается в арену борьбы США с Китаем [Электронный ресурс] / В. Куликов // Новое Восточное Обозрение. – 2015. – 27 апреля. – Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2015/04/27/pakistan-prevrashhaetsya-v-arenu-bor-by-ssha-s-kitaem/>. – Дата доступа: 01.08.2015.
52. Малеев, В. А. Пакистан – Китай – США: взаимодействие ради стабильности? [Электронный ресурс] / В. А. Малеев // Новое Восточное Обозрение. – 2013. – 11 апреля. – Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2013/04/11/pakistan-kitaj-ssha-vzaimodejstvie-radi-stabil-nosti/>. – Дата доступа: 01.08.2015.
53. Юрлов, Ф. Н. КНР, Индия и США: соотношение сил меняется / Ф. Н. Юрлов // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 1. – С. 2–9.
54. Юрлов, Ф. Н. КНР, Индия и США: соотношение сил меняется / Ф. Н. Юрлов // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 2. – С. 2–10.

Поступила 23.11.15

THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE U.S. POLICY TOWARDS THE SOUTH ASIA (END XX – EARLY XXI CENTURY)

A. KOSOV

In the article the Russian historiography of the U.S. foreign policy towards the South Asia in the post-bipolar period is considered. This direction of Washington's foreign policy strategy in the Russian-language historical and political science literature than, for example, East Asian, Middle Eastern or European directions is less developed. It is explained by arrangement of priorities in the U.S. foreign policy and corresponding reflection of such approach in the Russian publications. Nevertheless, in the Russian historiography there is a number of publications in which from different positions conceptual basics of the U.S. foreign policy in the South Asian region are covered, the U.S. – India and the U.S. – Pakistan relations, the impact of the nuclear factor in Washington's foreign policy strategy in the South Asia, geopolitical triangles of the USA – India – the PRC and the USA – Pakistan – the PRC and other problems.

Keywords: *US foreign policy, historiography, South Asia, post-bipolar period.*